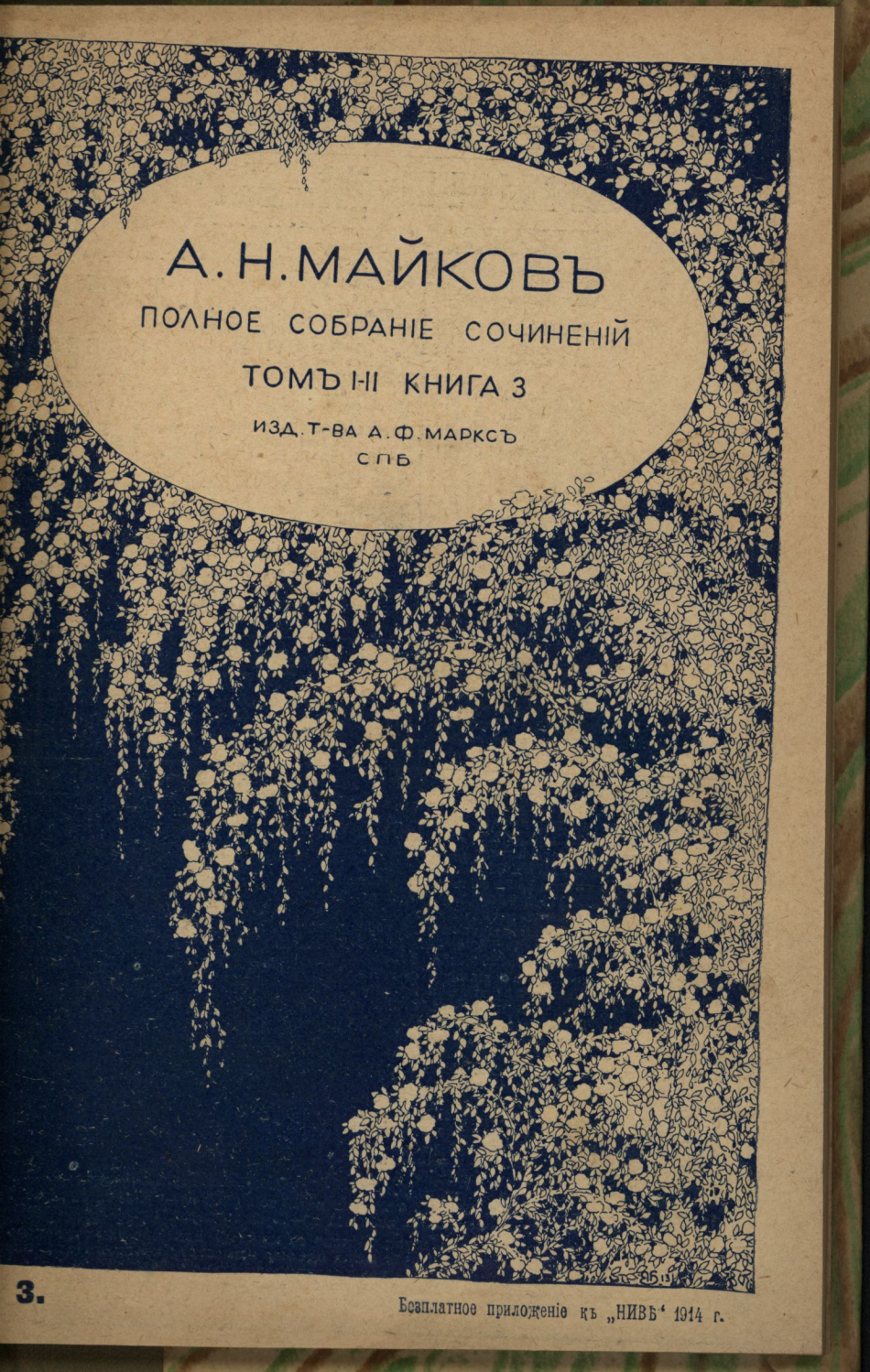

А. Н. МАЙКОВ
Полн. собр. соч.
т. 1-2, кн. 3.

А. Н. МАЙКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМЪ III КНИГА 3

ИЗД. Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ
СПБ

— Контора „Нивы“ считает долгомъ обратить вниманіе гг. подписчиковъ на то, что на изготовленныхъ нашею переплетною крышкахъ къ соч. **Ө. И. Тютчева, Л. Андреева, В. В. Вересаева и Мольера** вытиснены: надпись „Заявленъ Отдѣлу Промышленности“ и утвержденная марка Товарищества, и что нашего изготовления являются только переплеты съ указанной надписью и маркой и только того рисунка, который изображенъ на помѣщенныхъ здѣсь снимкахъ. Съ своей стороны, Контора будетъ преслѣдовать законнымъ порядкомъ всякую поддѣлку.

КРЫШКИ НА ПРИЛОЖЕНІЯ „НИВЫ“ 1913 г.,

изготовленные изъ лучшаго англійскаго колленкора съ красивыми тисненіями золотомъ и красками по рисунку художника **Я. Я. Бельзена** и др.

1 крышка на полн. собраніе сочиненій (въ 3 кн.).

Ө. И. ТЮТЧЕВА

Цѣна: 25 к., съ перес. 40 к.

4 крышки на полн. собраніе сочиненій (въ 17 кн.).

ЛЕОН. АНДРЕЕВА

(по одной крышкѣ на каждыя 4—5 книгъ).

Цѣна: 4 крышк. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

2 крышки на полное собраніе сочиненій (въ 10 кн.).

В. В. ВЕРЕСАЕВА

(по одной крышкѣ на каждыя 5 книгъ).

Цѣна: 2 крышк. 50 к., съ перес. 75 к.

2 крышки на полн. собр. сочиненій (въ 10 кн.).

МОЛЬЕРА

(по одной крышкѣ на каждыя 5 книгъ).

Цѣна: 2 крышк. 50 к., съ перес. 75 к.

Крышки имѣются красн., зелен., коричн., фіолет., кремъ, голуб. и синяго цвѣтовъ. При выпискѣ крышекъ просимъ обозначать 2—3 желательныхъ цвѣта на случай замѣны распроданнаго цвѣта другимъ.

1 крышка на журналъ „НИВА“ 1913 г.

Цѣна этой крышкѣ на полн. томъ журн. за весь годъ—75 к., съ перес. въ Европ. Россіи 1 р.

Выписывающіе одновременно крышки на соч. Тютчева, Андреева, Вересаева и Мольера на „Ниву“ и „Литер. Прилож.“ платятъ за совмѣстную перес. въ Европ. Россіи лишь 1 р.

3 крышки на 12 книгъ

„Литературныхъ Приложеній“ за 1913 г.

(по 1 крышкѣ на 4 книги). Цѣна 3 крышкамъ 75 к., съ перес. 1 р.

КРЫШКИ НА „НИВУ“ И ПРИЛОЖЕНІЯ прошлыхъ лѣтъ:

Соч. **ГАРШИНА, ПОМЯЛОВСКАГО**. Ц. 1 крышкѣ на полн. собр. соч. каждого автора 25 к., съ перес. 40 к. Соч. **МЕЯ, ГОРБУНОВА, ФЕТА, УАЙЛЬДА**. Ц. 2 крышк. на соч. каждого автора 50 к., съ перес. 75 к. Соч. **ГАУПТМАНА, ЖУКОВСКАГО**. Ц. 3 крышк. на соч. каждого автора 75 к., съ перес. 1 р. Соч. **КУПРИНА, гр. А. ТОЛСТОГО, ИБСЕНА**. Ц. 4 крышк. на полн. собр. соч. кажда. автора 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Соч. **ГАМСУНА**. Ц. 5 крышк. на полн. собр. соч. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Соч. **УСПЕНСКАГО, ГЕЙНЕ, ГОГОЛЯ, ГРИГОРОВИЧА, БОБОРЫКИНА**. Цѣна 6 крышкамъ на полн. собр. сочинен. каждого изъ означенныхъ 5 авторовъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб. Соч. **МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКАГО, ДАНИЛЕВСКАГО, ГОНЧАРОВА, ТУРГЕНЕВА**. Цѣна 7 крышк. для полн. собр. соч. каждого изъ означенныхъ 4-хъ авторовъ 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к. Соч. **ПИСЕМСКАГО**. Цѣна 8 крышкамъ на полн. собр. сочиненій 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к. Соч. **САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА, СТАНЮКОВИЧА, ЛЬСКОВА, ДОСТОЕВСКАГО**. Цѣна 12 крышк. на полн. собр. соч. каждого изъ этихъ 4-хъ авторовъ 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к. Соч. **ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА**. Цѣна 16 крышкамъ на полн. собр. соч. 4 руб., съ перес. 4 р. 75 к. Соч. **АНТ. П. ЧЕХОВА**. Ц. 9 кр. на полн. собр. соч.—2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 75 к. (Ц. 6 крышк. на 16 том. (1903 г.)—1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 50 к. на дополн. 12 кн. (1911 г.)—75 к., съ перес. 1 р.

Цѣна 1 крышки на полный томъ журн. „НИВА“ за каждый изъ прошлыхъ годовъ 75 к., съ перес. въ Европ. Россіи—1 руб. Цѣна одному комплекту крышекъ на 12 кн. **Ежем. Литер. Приложеній** за каждый изъ прошлыхъ годовъ—75 коп., съ перес.—1 руб.

Требованія адресовать въ Контору журнала „НИВА“, СПБ., ул. Гоголя, 22.

И межъ тѣмъ какъ рубить франковъ,
Улыбается онъ сладко
Милымъ призракамъ, и въ битвѣ
Отъ него не отходящимъ...

XXVII.

Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ!
Богатство—вѣнецъ красоты!
При этомъ чудесные глазки...
Ужель недовольна все ты?

На эти чудесные глазки
Я риемы сплеталъ, какъ цвѣты,
И вышли безсмертныя пѣсни...
Ужель недовольна все ты?

Ахъ! эти чудесные глазки
Отгнемъ роковымъ налиты...
Отъ нихъ я совсѣмъ погибаю...
Ужель недовольна все ты?

1865.

XXVIII.

Изъ моей великой скорби
Пѣсни малыя родятся
И, звеня, на легкихъ крыльяхъ
Свѣтлымъ роємъ къ милой мчатся.

Покружася надъ прекрасной,
Возвращаются и плачутъ...
Не хотятъ сказать малютки
Мнѣ, что слезы эти значать..

1857.

XXIX.

Посмотри: во всемъ dospѣхъ
Мужъ, готовый выйти въ бой,
Онъ ужъ бредитъ объ успѣхъ,
Мечъ свой пробуя стальной.

Вдругъ Амуровъ рой крылатый
Съ толку сбиль его совсѣмъ:

Кто разстегиваетъ латы,
Кто съ главы срываетъ шлемъ;
Кто съ улыбкою лукавой,
Пальчикъ къ губкамъ приложивъ,
Шепчетъ на ухо... И славы
Позабыть святой призывъ.

Узнаешь ли въ этой сценѣ,
Милый ангелъ мой, меня?
Вѣкъ зоветъ, бойцы въ аренѣ,
А въ твоихъ объятыхъ я!
1857.

XXX.

Ты быстро шла, но предо мною
Вдругъ оглянулася назадъ...
Какъ будто спрашивали гордо
Уста открытыя и взглядъ...

Къ чему ловить мнѣ было бѣлый,
По вѣтру бившійся покровъ?..
А эти маленькія ножки..
Къ чему искалъ я ихъ слѣдовъ!

Теперь исчезла эта гордость,
И стала ты тиха, ясна,
Такъ возмутительно покорна
И такъ убійственно скучна!
1857.

XXXI.

ВЕСНОЮ.

Сверкая, проносятся волны рѣки...
Такъ любитъ сердцу весною!..
Пася свое стадо, сплетаетъ вѣнки
Румяная дѣва одна надъ рѣкою.
И солнце, и зелень! И жжетъ, и томить!..
Такъ любитъ сердцу весною!..
„Кому же вѣнки?“—кто-то вслухъ ей твердить—
И мчится мечта за мечтою..
Вотъ слышится топотъ... вотъ всадникъ летитъ,
И перьями вѣетъ, и блещетъ онъ сталью...

Робѣть малютка, и ждеть, и молчить...

Но мигъ — и онъ скрылся за синюю далью!...

И плачетъ, и мечеть въ златыя струи

Бѣдняжка вѣнки, съ уязвленной душою...

А гдѣ-то запѣлъ соловей о любви...

Такъ любитъ сердцу весною!...

1857.

XXXII.

НА ГОРАХЪ ГАРЦА.

Раскрывайся, міръ преданій!

Приготовься, сердце, къ нимъ,

Къ сладкимъ пѣснямъ, тихимъ грѣзамъ,

Къ вдохновеньямъ золотымъ!

Я иду, въ лѣса густые,

Доберусь до замка я,

На который устремляетъ

Первый нѣжный лучъ заря.

Тамъ среди сѣдыхъ развалинъ,

Какъ живые, предо мной

Встанутъ дней минувшихъ люди

Съ прежней свѣжею красой...

Вотъ онъ, вотъ! Надъ нимъ, какъ прежде,

Полны блеску небеса,

И внизу, въ волнахъ тумана

Словно плаваютъ лѣса...

Но травой покрыта площадь,

Гдѣ счастливецъ побѣждалъ

И побѣды призъ у лучшихъ,

Можетъ-быть, перебивать...

Плющъ виситъ кругомъ балкона,

Гдѣ склонялась на скамью

Побѣдившая очами

Побѣдителя въ бою...

Ахъ! И рыцаря и даму

Смерть давно ужъ унесла...

Всѣхъ насъ этотъ черный рыцарь

Вышибаетъ изъ сѣдла!

1868.

XXXIII.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ.

1.

И neemъ снѣжнымъ, какъ ризой, покрытъ,
Кедръ одинокій въ пустынѣ стоитъ.
Дремлетъ, могучій, подъ пѣснями вьюги,
Дремлетъ и видитъ: на пламенномъ югѣ
Стройная пальма растетъ и съ тоской
Смотритъ на сѣверъ его ледяной.

2.

Давно задумчивый твой образъ,
Какъ сонъ, носился предо мной
Все съ той же кроткою улыбкой,
Но блѣдный, блѣдный и больной...

Одни уста еще алѣютъ;
Но прикоснется смерть и къ нимъ —
И все небесное угаситъ
Въ очахъ лобзаньемъ ледянымъ.

3.

Въ легкомъ челнѣ мы съ тобою
Плыли по быстрымъ волнамъ...
Тихая ночь навѣвала
Грѣзы блаженные намъ...

Островъ стоялъ, какъ видѣнье,
Луннымъ лучомъ осіянь;
Пѣсни оттуда звучали
Сквозь серебристый туманъ.

Пѣсни туда насъ манили...
Но, и сильна и темна,
Въ море, въ широкое море
Грозно влекла насъ волна.

4.

Любовь моя — страшная сказка,
Со всѣмъ, что есть дикаго въ ней,
Со таинственнымъ блескомъ и бредомъ,
Созданіе жаркихъ ночей.

Вотъ: „рыцарь и дѣва гуляли
Въ волшебномъ саду межъ цвѣтовъ...

Кругомъ соловьи грохотали,
И мѣсяцъ свѣтилъ сквозь деревь...

Нѣма была дѣва, какъ мраморъ...
Къ ногамъ ея рыцарь приникъ...
И вдругъ великанъ къ нимъ подходитъ—
Исчезла красавица вмигъ...

Упалъ окровавленный рыцарь...
Исчезъ великанъ "... а потомъ...
Потомъ... Вотъ когда похоронять
Меня, то и сказка съ концомъ!...

5.

Здѣсь мѣсто есть... Самоубійцъ
Тѣла тамъ зарываются...
На мѣстѣ томъ плакутъ-трава
Одна, какъ тѣнь, качается...

Я тамъ стоялъ... душа моя
Тоскою надрывалась...
Плакунъ-трава въ лучахъ луны
Таинственно качалась.

1867.

XXXIV.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ.

На тему одной нѣмецкой пѣсни.

Съ шумомъ и топотомъ пляшетъ въ лугу молодежь
Въ ладъ подъ визгливыя скрипки.

Вдругъ понеслась одна чара впередъ, изъ толпы
Вынырнувъ, точно двѣ рыбки.

Точно плывутъ они, тихо колышась и въ тактъ,
Мѣрно, какъ волны морскія,

Но усмѣхаются, глядя другъ другу въ глаза...
Вѣдаетъ Богъ, кто такіе!

„Вы,—говоритъ кавалеру она,—здѣсь чужой?..
Бѣлый на шляпѣ цвѣточекъ...

Только вѣдь въ самой морской глубинѣ онъ растетъ...
Какъ ни радитесь, дружочекъ,

Васъ я узнала по остренькимъ щучимъ зубкамъ
Тотчасъ же, съ перваго взгляда!

Вы—Водяной, и красотку сманить за собой
Въ теремъ хрустальный вамъ надо“.

Онъ отвѣчаетъ: „Сударыня, ухъ, какъ блестятъ
Ваши зеленые глазки!
Ручки какъ холодны!.. Если жъ обнимуть, то смерть,
Вѣрная смерть ваши ласки!

Васъ я по первому книксену тотчасъ призналъ...
Такъ что... секретъ неумѣстенъ...
Вы вѣдь—Русалка, сударыня... Промыселъ нашъ,
Значить, другъ другу извѣстенъ...”

Ловко, изящно, отъ смѣха же еле держась,
Легкіе оба такіе,
Плаваютъ, въ медленномъ вальсѣ колышась, они
Мѣрно, какъ волны морскія.

Кончился танецъ. Они расстаются, какъ всѣ:
Онъ—съ граціознымъ поклономъ,
Книксенъ глубокій—она, все какъ люди, давно
Съ лучшимъ знакомые тономъ.
1889.

XXXV.

Они о любви говорили
За чайнымъ блестящимъ столомъ.
Изяществомъ дамы сіяли,
Мужчины—тончайшимъ умомъ.

„Любовь въ платоническомъ чувствѣ“,
Замѣтилъ совѣтникъ въ звѣздахъ.
Совѣтница зло улыбулась,
Однако промолвила: „ахъ!“

Въ отвѣтъ ему толстый каноникъ:

„Любить надо въ мѣру, затѣмъ
Что иначе—вредъ для здоровья“.

Княжна проронила: „а чѣмъ?“

Съ улыбкой давая барону
Душистаго чаю стаканъ,
Графиня сказала протяжно:
„Амуръ—безпощадный тиранъ!“

За чаемъ еще было мѣсто:
Тебѣ бъ тамъ, малютка, засѣсть
И, слушая только сердечка,
Урокъ о любви имъ прочесть.

1867.

XXXVI.

„Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!
Столько яду, желчи, зла!..
Что жъ мнѣ дѣлать? Столько яду
Въ жизнь мою ты пролила!

„Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!“
Что жъ мнѣ дѣлать, жизнь моя?
Столько змѣй ношу я въ сердцѣ,
Да и сверхъ того—тебя!

1867.

XXXVII.

Краса моя, рыбачка,
Причалъ сюда челнокъ,
Садись рука съ рукою
Со мной на бережокъ.

Прижмись ко мнѣ головкой,
Не бойся ничего!
Вѣряешься жъ ты морю...
Страшнѣе ль я его?

Ахъ, сердце—то же море!
И бьется, и бурлитъ,
И такъ же дорогія
Жемчужины тaitъ!

1867.

XXXVIII.

ЛОРЕЛЕЯ.

Бѣда ли, пророчество ль это?..
Душа такъ уныла моя,
А старая, страшная сказка
Преслѣдуетъ всюду меня...

Все чудится Рейнъ быстроводный,
Надъ нимъ ужъ туманы летать,
И только лучами заката
Вершины утесовъ горять.

И чудо-красавица дѣва
Сидитъ тамъ въ сѣяньи зари,

И чешетъ златымъ она гребнемъ
Златистые кудри свои.

И вся-то блеситъ и сіяетъ,
И чудную пѣсню поетъ:
Могучая, страстная пѣсня
Несется по зеркалу водъ...

Вотъ ѣдетъ челнокъ... И внезапно
Охваченный пѣсню ея,
Пловецъ о руль забываетъ
И только глядитъ на нее...

А быстрыя воды несутся...
Погибнетъ пловецъ средь зыбей!
Погубить его Лорелея
Чудесною пѣсню своей!..

1867.

XXXIX.

AUF FLÜGLEN DES GESANGES.

Поэзіи геній крылатый
Незримой воздушной стезей
Въ край солнца, къ источникамъ Ганга,
Умчить насъ, мой ангелъ, съ тобой!

Въ глубокой, цвѣтущей долинѣ,
Въ виду неприступныхъ снѣговъ,
Ты явишься пышной царицей
Роскошнѣйшихъ въ мірѣ цвѣтовъ!

Тамъ пѣнныя съ горъ водопады
И шелестъ волны въ тростникъ,
Толпы богомольцевъ, идущихъ
Омыться въ священной рѣкѣ.

Все чудныя сказки намъ скажетъ
Про войны людей и духовъ,
Про женъ, исторгавшихъ супруговъ
Изъ челюстей адскихъ боговъ...

Услышимъ мы вопль ихъ страданій,
И вдругъ—въ ихъ далекой любви,
Сквозь бездну вѣковъ мы узнаемъ
Любовь и страданья свои...

1867.

XL.

Нежданной молніей, вполнѣ
Открывшей мнѣ тотъ мракъ глубокій,
Гдѣ чуть дышу я, были мнѣ
Тобой начертанныя строки...

Среди обломковъ ты одна
Въ моемъ минувшемъ—образъ ясный,
Какъ мраморъ божески-прекрасный,
Но и какъ мраморъ холодна!...

О, каковы жѣ мои мученья!..
Вдругъ этотъ мраморъ тронуть! онъ
Заговорилъ—и сожалѣнья
Слезой теплой окроплень!..

А Ты, мой Богъ! Тебя напрасно
Молю я: узелъ развяжи,
Дай мнѣ покой и положи
Конецъ трагедіи ужасной!

1866.

XLI.

Конецъ! опущена завѣса!
Къ разъѣзду публика спѣшить...
Ну что жъ? успѣхъ имѣла пьеса?
О, да! въ ушахъ моихъ звучить
Еще доселѣ страстный шопоть,
И крикъ, и вызовы, и топоть...
Ушли... и зала ужъ темна,
Огни потухли... тишина...

Чу! что-то глухо прозвенѣло
Во тѣмѣ близъ сцены опустѣлой...
Иль это лопнула струна
На старой скрипкѣ?... Тамъ что? крысы
Грызутъ ненужныя кулисы...
И лампы гаснутъ, и чадить
Отъ нихъ дымящееся масло...
Одна осталась... вотъ шипить,
Шипить... чуть тлѣть... и угасла...
Ахъ, эта лампа... то, друзья,
Была, увы! душа моя.

1857.

XLII.

ПРИНЦЕССА ШАБАШЪ.

Въ старыхъ сказкахъ говорится,
Будто въ образѣ звѣриномъ
Ходять часто — чародѣемъ
Заколдованные принцы.

Но бываютъ дни — и принцы
Принимаютъ прежній образъ;
Принцъ волочится и дамамъ.
Серенады воспѣваетъ, —

Все до часа рокового;
И настанетъ онъ — мгновенно
Свѣтлый принцъ — четвероногимъ
Снова дѣлается звѣремъ.

Днесъ воспѣтъ такого принца
Я намѣренъ. Онъ зовется —
Израйль, и злою вѣдьмой
Обращенъ давно въ собаку.

Всю недѣлю по-собачьи
Онъ и чувствуетъ и мыслить,
Грязный шляется и смрадный,
На позоръ и смѣхъ мальчишкамъ...

Но лишь пятница минуетъ —
Принцъ становится какъ прежде,
Человѣкомъ, и выходитъ
Изъ своей собачьей шкуры.

Мыслить, чувствуетъ, какъ люди,
Гордо, съ поднятой главою,
И разряженный вступаетъ
Онъ въ отцовскіе чертоги:

„Прародительскія сѣни! —
Ихъ привѣтствуетъ онъ нѣжно: —
Домъ Іаковлевъ! цѣлую
Прагъ у вратъ твоихъ священныхъ!“

По чертогамъ пробѣгаетъ
Легкій шопотъ и движеніе;
Тихо въ храмѣ все; чуть дышитъ
Самъ невидимый хозяинъ.

Сенешаль великій только —
То-есть служка въ синагогѣ —
Лазить вверхъ и внизъ поспѣшно,
Въ храмѣ лампы зажигаая.

Лампы — свѣточы надежды!
Какъ горять онѣ, какъ блещутъ!
Залита огнемъ эстрада,
Гдѣ читать выходятъ Тору;

И уже передъ ковчегомъ,
Занавѣшеннымъ покровомъ
Съ драгоценными камнями
И хранящимъ эту Тору,

Канторъ всталъ — нязный канторъ;
Вотъ онъ, съ духомъ собираясь,
Вздернуть плечи, растопыря
Черный плащъ при семь локтями,

Вотъ онъ, ручкой щеголяя,
Потрепалъ себя по шеѣ,
Перстъ къ виску прижалъ, большимъ же
Пальцемъ горло расправляетъ.

Долго онъ бормочетъ тихо —
Наконецъ, какъ вдохновенный,
Возглашаетъ громогласно:
„Лехо Дойди Ликрасъ Калле!“

О, гряди, женихъ желанный,
Ты во срѣтенъе невѣстѣ, —
Той, которая откроетъ
Для тебя свой ликъ стыдливый!“

Этотъ стихъ вѣнчальный сложенъ
Былъ Іегудой бенъ-Галеви,
Пѣснопѣвцемъ знаменитымъ
Въ дни халифовъ мавританскихъ;

Въ этомъ гимнѣ восхвалялъ онъ
Обрученъе Израйля
Съ царственной принцессой Шабалъ —
Молчаливою принцессой...

Перлъ и цвѣтъ красотъ вселенной —
Эта чудная принцесса!
Что тутъ Савская царица,
Соломонова подруга!

Богъ съ ней, съ этою педанткой!
Весь свой вѣкъ она хотѣла
Остроумьемъ забавляться —
Наконецъ, вѣдь это скучно!

Нѣтъ! принцесса Шабашъ — это
Тихій ангелъ! ненавидить
Суемудріе и споры —
Эти умственные боксы, —

Ненавидить этотъ дикій
Паѳосъ страстныхъ декламаций,
Искры сыплющій и бурно
Потрясающій власами.

Скромно подъ чепецъ парикъ свой
Прячетъ тихая принцесса,
Смотритъ кротко, какъ газели,
Тихимъ праздникомъ сіяетъ...

И возлюбленному принцу
Дозволяетъ все, но — только
Не курить: „курить въ субботу
Запрещается закономъ;

Но за то, мой милый, нынче
Продушишься ты, въ замѣну,
Чуднымъ кушаньемъ, ты будешь
Нынче шалеть, другъ мой, кушать“.

„Шалеть — божеская искра,
Сынъ Элизія!“ — запѣлъ бы,
Вѣрно, Шиллеръ вдохновенный,
Если бъ только зналъ онъ шалеть!

Это — даръ священный неба,
Откровенный Моисею
При громахъ синайскихъ, вмѣстѣ
Со скрижалями закона.

Передъ этой райской снѣдью
Дрянъ — амброзія и нектаръ
Лжебоговъ, которыхъ чтили
Встарь языческіе греки.

Вотъ нашъ принцъ вкушаетъ шалеть.
Просвѣтлѣлъ, въ блаженствѣ таетъ,
Распахнулъ камзолъ широко
И лепечетъ, улыбаясь:

„То не шумъ ли Иордана,
Не журчанье ль струй студеньихъ
Подъ навѣсомъ пальмъ Бэтэля?
То не ржанье ли верблюдовъ?

Не овецъ ли тонкорунныхъ
Колокольчики лепечуть?
Не съ вершинъ ли Гилеата
Овцы на ночь сходятъ въ доли?“

Но ужъ день склонился... Тѣни
Удлиняются... подходятъ
Исполинскими шагами
Срокъ ужасный... принцъ вздыхаетъ...

Точно холодными перстами
Вѣдьмы за сердце хватаютъ,
Въ членахъ дрожь, что вотъ придется
Сжаться, скорчиться въ собачьи.

Принцу милому подносить
Нарду тихая принцесса:
Разъ еще вдохнуть спѣшить онъ
Нарду запахъ скипидарный...

Наполняетъ принцу кубокъ:
Пьетъ онъ жадно... и остаткомъ
Окропляетъ столъ... подносить
Къ брызгамъ маленькую свѣчку...

Солнце скрылось... свѣчка грустно
Зашипѣла и погасла
Въ тотъ же мигъ и принцъ изъ храма
Грязной выбѣжалъ собакой.

1863.

XVIII.
EXCELSIOR.

I.

Въ юдоли плача и порока
Поэтъ въ душѣ своей слагаетъ
Невольно вѣщій гласъ пророка—
И міръ иной сооружаетъ.

Въ томъ міръ Истина: блистаетъ
Въ ея щитѣ глава Медузы;
Предъ ней порокъ свой мечъ роняетъ,
И ниспадають съ скорбныхъ узы.

Она идетъ: предъ ней крушатся
Повсюду монументы злобы,
И розы пышныя роятся
Тамъ, гдѣ страдальцевъ были гробы;

И вокругъ все дивное творится:
Пигмей низвергнулъ исполина,
И благодушный рабъ садится
На мѣсто злого господина.

Все, что страдало, что боролось
Противу зла, изнемогая,
Отвсюду возвышаетъ голосъ,
Господень судъ благословляя.

И люди такъ же благи снова,
Какъ тѣ, которые внимали
При Галилейскомъ морѣ слово,
Съ ихъ душъ снимавшее печали...

Такъ за ночными облаками,
Сквозь ихъ серебряныя пятна,
Ты небо чувствуешь съ звѣздами
И съ глубиною необъятной.

II.

О, мысль!.. Изъ урны роковой
Я вынулъ жребій, не робѣя!
Я зналъ, что жребій, взятый мной —
Утесъ и жажда Прометея!
Вся жизнь—стремленіе изъ оковъ,
При злой насмѣшкѣ отъ собрата,
Стремленіе вдаль отъ береговъ
И невозможность къ нимъ возврата!
Но эти муки, этотъ адъ
Благословляю за мгновенья,
Когда пытающій мой взглядъ
Объемлетъ таинства творенья;
И я—на мигъ ожившій прахъ —
Себя почувствую той силой,
Что въ слѣпотѣ своей унылой
Толпа со страхомъ чтитъ въ богахъ!

1863.

III.

О, царство вѣчной юности
И вѣчной красоты!
Въ твореньяхъ свѣтлыхъ геніевъ
Намъ чувствуешь ты!

Сіяющіе мраморы,
Лизиппъ и Пракситель!..
Съ безсмертными Мадоннами
Счастливый Рафаэль!..

Святая лира Пушкина,
Его кристальный стихъ,
Моцартовы мелодіи,
Все радостное въ нихъ—

Все то—не откровенъ ли
Съ надзвѣздной высоты,
Изъ царства вѣчной юности
И вѣчной красоты?..

1883.

IV.

Чужой для всѣхъ,
Со всѣми въ мирѣ—
Таковъ, поэтъ,
Твой жребій въ мирѣ!

Ты—на горѣ;
Они—въ долинѣ,
Но Богъ и свѣтъ
Въ твоей пустынѣ.

Ихъ духъ привыкъ
Ко тьмѣ и ночи,
И голый свѣтъ
Имъ рѣжетъ очи.

Но вѣдь и имъ,
На самомъ пирѣ,
Имъ нужно знать,
Что есть онъ въ мирѣ,

Что гдѣ-нибудь
Еще онъ свѣтитъ,
Что воззовешь,—
И онъ отвѣтитъ!

1872.

V.

ПУСТЫННИКЪ.

И Ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады,
Въ пустыню скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампы,
Тебѣ повѣренный, до срока убережъ,
Дабы, когда тщету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ истины и свѣта пожелають,
Имъ было бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь.

VI.

БАЯТЕЛЮ

(что долженъ выразить памятникъ Пушкину).

Изобрази ты въ немъ поэта,
Чтобъ въ царствѣ мысли царь онъ былъ,
Исполненъ внутренняго свѣта,
Да имъ и насъ бы охватилъ!

1875.

VII.

EXCELSIOR.

(Изъ Лонгфелло).

На высяхъ Альпъ горитъ закатъ;
Внизу, въ селены, стѣны хатъ
Отливомъ пурпурнымъ сіяютъ...
Вдругъ видятъ люди: къ нимъ идетъ
Красавецъ-юноша; несетъ
Въ рукѣ хоругвь; на ней читаютъ:
Excelsior!

Идетъ онъ мимо, вверхъ, туда,
Гдѣ царство смерти, царство льда;
Не смотреть, есть иль нѣтъ дорога;
Лишь въ высь, восторженный, глядитъ,
И кликъ его въ горахъ звучитъ,
Какъ звукъ серебрянаго рога:
Excelsior!

Предупреждаютъ старики:
„Куда идешь? Тамъ ледники!
Тамъ не была нога людская!
Споконъ вѣковъ тамъ ходу нѣтъ!“
Но онъ не слушаетъ, въ отвѣтъ
Лишь кликомъ горы оглашая:
Excelsior!

Краса-дѣвица говоритъ:
„Останься здѣсь, отъ бурь укрыть,
Любимъ и счастливъ съ нами вѣчно!“
Онъ передъ ней замедлил шагъ,
Но черезъ мигъ опять въ горахъ
Раздалось, вторясь безконечно:
Excelsior!

И вотъ ужъ скрылся онъ изъ глазъ...
Ужъ пурпуръ на горахъ погасъ;
Блѣднѣютъ снѣжныя вершины,
И тамъ, въ безмолвьи ледяномъ,
Звучитъ, какъ отдаленный громъ,
Съ высотъ несущійся въ долины:
Excelsior!

Чуть свѣтъ, при меркнувшихъ звѣздахъ,
На льды въ обходъ пошелъ монахъ,
Неся запасъ вина и хлѣба, —

И слышитъ голосъ надъ собой
Какъ бы отъ тверди голубой,
Съ высотъ яснѣющаго неба:
Excelsior!

И тутъ же лай собаки; вмигъ
Онъ къ ней—и видитъ: въ снѣговыхъ
Сугробахъ юноша... О, Боже!
Онъ бездыханенъ; смертный сонъ
Его сковаль, и держитъ онъ
Въ рукѣ хоругвь, гдѣ надпись тоже—
Excelsior!

Ужъ горы облило зарей:
Лежитъ онъ, блѣдный и нѣмой,
Среди пустынь оледяныхъ...
Стоитъ и слышитъ вдругъ монахъ—
Уже чуть внятно въ высотахъ,
Въ недосигаемыхъ предѣлахъ:
Excelsior!

1881.

VIII.

Куда бѣ ни шель шумящій міръ,
Что бѣ разумъ будничный ни строилъ,
На что бѣ онъ хоръ послушныхъ лиръ
На всѣхъ базарахъ ни настроилъ,
Поэтъ, не слушай ихъ. Пускай
Растетъ ихъ гамъ, кипитъ работа,—
Они всѣ въ Книгѣ Жизни, знай,
Пойдутъ не дальше переплета!
Святая тайна Книги сей
Раскрыты вѣщему лишь оку:
Богъ открывался Самъ пророку,
Его жъ, съ премудростью своей,
Не видѣлъ гордый фарисей.
Имъ только видимость—потреба,
Тебѣ же—сущность, тайный смыслъ;
Имъ—только рядъ бездушныхъ числъ,
Тебѣ же—бесконечность неба,
Задача смерти, жизни цѣль,
Неразрѣшимая досель,